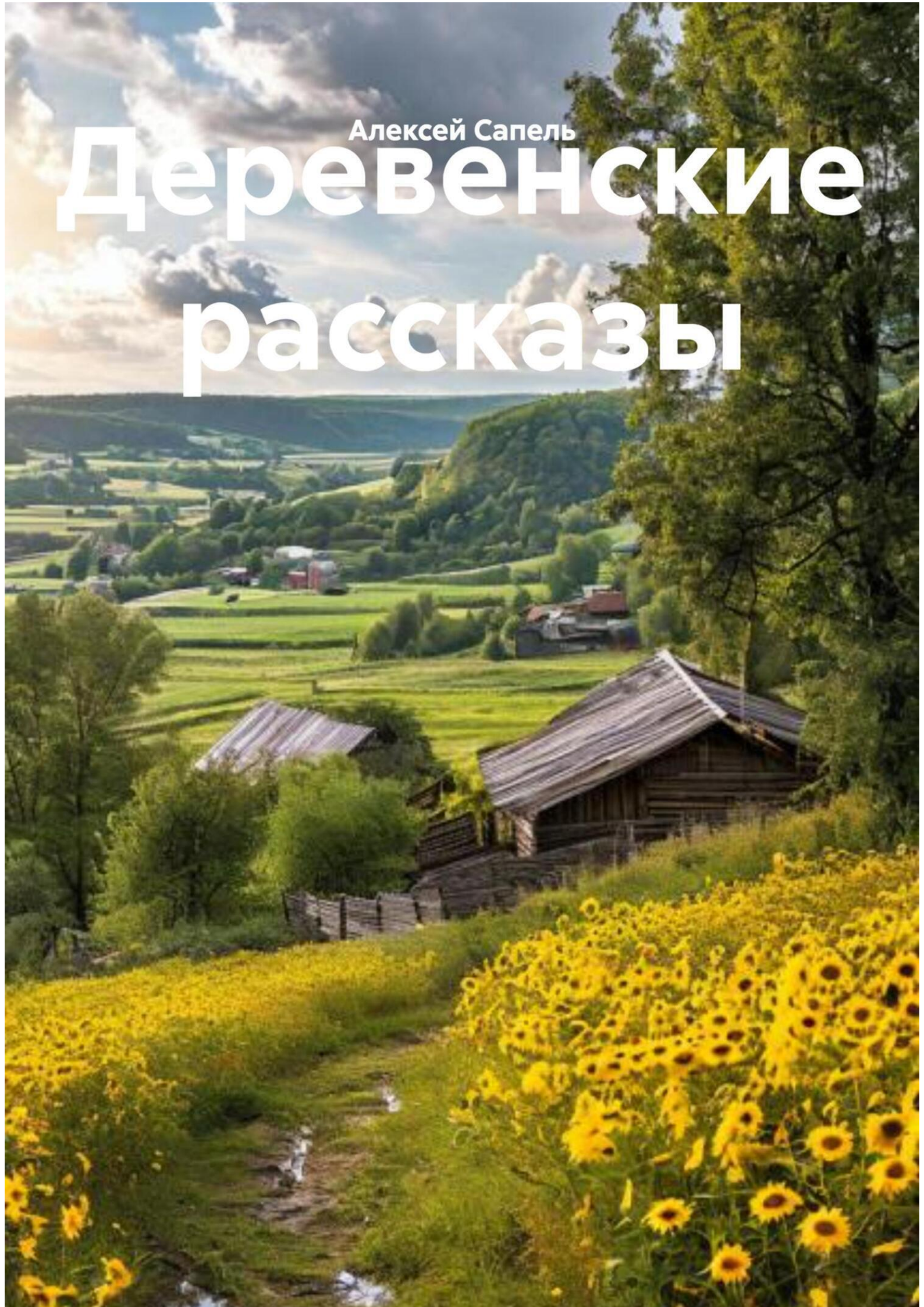

Алексей Сапель

Деревенские рассказы

Алексей Сапель
Деревенские рассказы

«Автор»

2025

Сапель А.

Деревенские рассказы / А. Сапель — «Автор», 2025

Все мы родом из детства. А детство наше проходило в деревне. Деревенская жизнь навсегда в нашей памяти и сердцах. Она хранится и дарит нам самые теплые воспоминания. Иногда грустные и поучительные. Оставляя яркие эмоции, наполненные летним солнцем, осенним дождем и долгими зимними вечерами у печи. Там жили люди. С непростой судьбой и тяжелым прошлым. И несмотря на это жили они свою жизнь с улыбкой, гордо идя вперед. Мои рассказы - это небольшая попытка рассказать о них. О том времени, о деревенской жизни и ее поворотах.

© Сапель А., 2025

© Автор, 2025

Алексей Сапель

Деревенские рассказы

Стеклянный пузырек

Счастлирое время – детство в деревне. Теплые вечера, окутанные розовым закатом и пахнущие сотнями трав, не отпускали домой до самых сумерек, держа на берегу реки. Вниз по улице, под развесистым кустом черемухи стоял дом фронтовика и нашего общего друга деда Максима. Каждый вечер он выходил на лавочку отдохнуть после дневного зноя в своих начищенных до блеска кирзовых сапогах, слегка припыленном костюме с орденами и поблекшей от времени фуражке. Присаживался, с заботой, бережно отрывал кусочек газеты, насыпал из цветного кисета махорку в ладонь и аккуратно, закрутив черствыми, как корни старого дерева, пальцами самокрутку, вставлял ее в старый костяной мундштук, закуривал и принимался ждать нас, приготовив очередной рассказ.

Каждый вечер мы собирались вокруг него и слушали его рассказы. Он говорил о себе, о прожитом непростом времени, как юным сорванцом бегал босиком по лужам и как получал за это взашей от своего сурового деда. Мы становились участниками тех дней, в которых дед Максим работал ребенком в поле с утра до ночи и стал свидетелем революции, потеряв отца и мать. Рассказывал о том, как воспитывать его взялись дед с бабкой и, как он любил всегда отметить, что сделали они из него человека.

А потом началась война, страшная и беспощадная. Призвал его Погадаевский сельсовет холостым в возрасте тридцати одного года, выдав повестку. Много ребят ушло тогда из родной деревни. Многие не вернулись.

Прошел дед Максим всю войну достойно, как подобает советскому солдату, и многие его рассказы вызвали у нас слезы и смятение, но тогда в тот вечер он рассказал нам очень трогательную историю из жизни, которую мы слышали впервые.

– Наш батальон вошел в пригород Берлина на рассвете, на передовой раздавались раскатистые взрывы, шла бомбежка центра города. Не смолкали звуки очередей автоматов. Шли по раскаленным улицам, почерневшим от пожара и копоти. Кое-где стояли уцелевшие деревья и пытались выпустить листочки.

Остановились мы у старого моста, командир батальона скомандовал развернуть оружие и быть готовым к атаке врага. Страшный был бой, не на жизнь, а на смерть. Всю ночь не смолкали орудия, город пылал, залил небосвод страшным заревом, но мост мы не отдали, а к утру немец притих. Стихли орудия, произвели перекличку, проверили раненых, и кто-то из ребят крикнул: «Конец войне! Рейхстаг взят!»

Последний это был наш, бой страшный, многие ушли тогда. Столько ребят полегло. Еще несколько дней кое-где слышны были выстрелы, взывала сирена. А батальон наш расположился у того старого моста, все ждали, что будет дальше, и в один из вечеров увидел я в окне второго этажа полуразрушенного дома огонек. Интерес охватил меня, крался, осознавая всю опасность и страх. Пройдя пару сотен метров по улице и забравшись по разрушенной стене в дом, увидел я через разбитое окно девушку лет двадцати. Сидела она на краю кровати, напуганная с растрепанными, кудрявыми волосами, отливающими в ночи золотом, заплаканными глазами, и смотрела куда-то вдаль. Сердце скололо в груди от жалости, в глазах потемнело, дышал, а надышаться не мог, так больно стало за это все: за войну, за людей ни в чем не виноватых, за дерево, которое не распустилось. Как жить ей дальше, этой девчонке, не знавшей жизни совсем, и что ждет её теперь. Оставил я на том окне фляжку с водой, краюшку хлеба и кусок затертого в кармане сахара, всё, что было с собой, то и оставил. А она не напугалась

меня, посмотрела в глаза, а в них пустота, да такая смертная, что нигде я такой больше не встречал, и не дай Бог кому встретить.

Другим вечером собрал я паек посерьезней: тушенку, чай, хлеб с сахаром, что смог, то и собрал, и пошел снова к ней. Встретила она меня уже по-другому: «Danke», мол, «спасибо». Застеснялась, а я и мешать не стал, ушел. И стал я так заботиться о ней понемногу, рассказывала мне о многом. А много ли я понимал по-немецки? Только и понял, что осталась одна в этом страхе и зовут ее Анна, Аня стало быть по-нашему.

Простоял наш батальон у старого моста порядка двух недель, привязался я к ней всем сердцем, но пришло время нам уходить. В тот последний вечер пришел я к ней с головой опущенной. Сидели молча, а как уходить, бросилась ко мне на шею и не отпускает, разревелась, а после начала копаться в маленьком чемоданчике достав из него маленький стеклянный пузырек с надписью Perfume. Это были ее духи, с запахом прошлой жизни полной радости и надежд, которые рухнули вместе с этим домом. От аромата закружилась голова, душно стало, как тогда, впервые увидев ее, страх обуздал. А что же с ней будет? Кто позаботится, кругом разруха и голод. Слезы у самого навернулись.

Прощались, как смогли, а утром следующего дня набрался я смелости рассказать обо всем старшине и рассказал. Как мать он нам был, старшина, сердечный человек, успокоил он меня, пообещал помочь и слово свое сдержал. Приставили мы ее к палаточному госпиталю санитаркой, а она и не против была. Тогда многие согласились помощь оказывать, а по-другому никак.

Уходили мы из Берлина, а она все смотрела мне вслед и на глазах ее были слезы, хрустальные девичьи слезы. А я прижимал к груди подаренный стеклянный пузырек, понимая, что не увижу ее теперь никогда.

На этом дед Максим остановил свой рассказ, глаза его наполнились тоской, он был где-то там, в далеком сорок пятом, у старого моста и, наверное, смотрел ей в глаза, а в руке он сжимал тот самый маленький стеклянный пузырек.

Апельсин

Тихо падал за окном снег. Медленно кружась, ложился на избы, окутывая деревья мягким белым полушубком. Деревья казались большими и сказочными. Лёнька задумчиво смотрел в окно, поглядывая украдкой на настенные часы.

– Мам, а папка скоро придет?

– Скоро Лёнь, соскучился что-ли?

– Да нет мам, просто скоро стемнеет, а его нет, – сказал Лёнька и снова посмотрел на часы. До Нового года оставалось совсем немного. Лёньке не терпелось попробовать апельсин. На школьном утреннике он читал стихотворение про Деда Мороза и за это получил его в подарок.

Лёнька чувствовал себя самым счастливым ребенком на свете. Никогда еще он не пробовал такую вкусноту. Яркий, как солнце, горел он у него в ладонях, обдавая необычайно ароматным запахом. Бережно принес он его домой, показал отцу с матерью и с недетской серьезностью заявил:

– Мама, папа, на Новый год попробуем, а пока пусть полежит!

Окутал его вязаным шарфом и убрал под кровать. Каждый день проверяя его, размышляя, как неслыханно ему повезло и каким вкусным он окажется. Несколько дней до Нового года проходили в долгом ожидании.

Приснилось как-то ночью Лёньке, будто он по лесу ходит, а на берегах апельсины растут. Яркие, ароматные и все Лёнькины. Набрал он их и домой понес угощать всех. Проснулся в страхе и пополз тихонько под кровать. Проверить, на месте ли его сокровище. Мать, услышав, тихонько спросила:

– Лёнь, ну что, на месте апельсин твой?

– На месте, мам, давай спать, завтра Новый год, поскорее бы.

У матери с утра были хлопоты на кухне. Разные запахи витали по дому, но больше всего пахло пирогами. Но Ленька продолжал смотреть в окно в ожидании отца.

И снова спросил:

– Мам, а папка успеет до Нового года?

– Лень, в райцентр он поехал, воротится, не переживай, – ответила мать.

Ленька подумал, а что если отец не придет вовремя, как же с апельсином быть? Не заметил Ленька, как сморило его у окна глубоким сном. Разбудил его тихонько отец, шутя приговаривая:

– Леонид, так и праздник проспять можно. Пойдем к столу, у нас с мамой для тебя тоже подарок есть.

Ленька радостный залез под кровать, достал из коробки укутанный шарфом апельсин и торжественно принес его на кухню. Но, сделав еще шаг, застыл от неожиданности и восторга. Глаза его заискрились от счастья: посреди стола горкой лежали апельсины! Яркие, как солнце, и большие, как Ленькино ребячье счастье!

Гроза

Солнечный день сменился пасмурным вечером. Лёгкий ветер нагнал свинцовые тучи, погрузив всё вокруг в темноту.

– Правду сказали по радио, – сказал дед Фома, оглядывая небо взором.

– Деда, а давай, если дождь пойдёт, под деревом переждем?

– Нельзя Митька, гроза будет, нельзя под деревом стоять.

– А почему нельзя!?

Дед не успел договорить, как по небу раздался раскат грома, будто сотни пушек выстрелили в раз. Перекрестился, взял Митьку за руку и прибавил шаг. Из распадка послышался шум ветра, и пахло прохладой. Ливень белой стеной стремительно приближался к путникам.

– Эх и вымокнем, Митя, мы с тобой! Давай-ка побежали, может успеем до сарая.

Ливень ударил с большой силой. Молнии сменялись громом, ветер сбивал с ног. Дед Фома остановился, снял с себя пиджак, укутав Митьку, закрыл собой и сказал:

– Ну, держись, Митяй! Попали мы с тобой в непогоду.

Дорога превратилась в реку. Митя выглядывал из-под дедовых рук, не понимая, что происходит вокруг. В какой-то момент он подумал, что сейчас они с дедом поплывут куда-то вдаль и от этой мысли прижался к деду еще сильнее.

– Не пугайся, Митяй, скоро пронесёт, немного осталось. Гроза всегда быстро проходит.

Где-то рядом с треском ударила молния. Дед Фома снова перекрестился.

– Вот тебе на! Как бушует! Ну ничего, скоро пронесёт, – дед Фома присел, начав ругать самого себя.

– Митя, домой придём баню затопим, погреемся. А потом чаю с малиной напьёмся. Всё хорошо будет, не переживай!

– А я и не переживаю деда, ты же рядом, чего мне бояться.

– Ну да, и то верно!

Ветер стал стихать, а вместе с ним и дождь. Чёрные тучи поползли в сторону леса, оставив позади себя вымокших деда и внука.

– Вот так сходили мы с тобой покос проверить и дойти не успели. Всё промокло: и табак, и спички. Ну что, Мить, идём домой поскорее, пока не замёрзли.

Митя взял деда за руку и засеменял, шлепая по раскисшей дороге.

– Деда, а давай в следующий раз с собой плащи возьмём.

– Возьмём, Мить, обязательно возьмём.

– А ты шибко промок? – спросил Митя.

– Да нет, немного, почти сухой, – дед Фома улыбнулся, выжал кепку, надвинул на затылок и начал рассказывать внуку очередную историю из жизни, а Митя твёрдо шагал рядом, гордо смотря вперёд.

Дед Степан

Дед Степан засобирался еще затемно. Долго копошился в сенцах и что-то бормотал, аккуратно складывая в старый солдатский вещмешок продукты.

– Вроде как все сложил: крупа, сахар, чай. Соль забыл, – проговорил вслух. – Так, ещё порох, картечь.

Одевшись, накинул мешок на плечи, прикрыл дверь в дом, снял с цепи Палкана, взял в руки ружье и ушёл. Ушёл, а куда неизвестно.

Не сразу поняли, что не стало деда. Васька сосед заприметил, что дом без свету стоит. Сообщил председателю, ну а тот в свою очередь участкового вызвал. Народ собрался у дедова дома, загудел. Кто о чем говорит. Дед Фома тут как тут, докладывает участковому по форме:

– Замкнутый был дед Степан. В войну всю семью потерял. Пришел с фронта в 1945. Немного не дошел до Берлина, получив ранение. Долго лежал в госпитале, а после был комиссован. Так хромота и осталась на всю жизнь. А после в родном селе сторожем работал, до самой пенсии охранял склады. Всё больше молчал. Пропал, видимо, где-то, – заключил дед Фома и закурил папироску.

– Но, ты еще по нему похороны справь, дурень старый. Может уехал куда, – по толпе покатился хохот.

– Тише, товарищи! Ничего смешного, нет человека! Будем искать. – скомандовал участковый.

– Завтра с утра приступим. Иван Петрович, собирай мужиков, перепишите всех, а сейчас по домам.

Председатель посмотрел на небо, тучи темные.

– Снег бы не выпал... Вот будет номер.

Ночью снег пошел. С утра всё белым-бело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.